

— Здравствуй, Наруто-сан.

— Добрый день, Кабуто-сан. Как дела в госпитале? А в приюте?

— Огромное спасибо, хорошо. В госпитале Цунаде-сама провела реорганизацию и улучшила финансирование. А в приюте... Ты и сам знаешь.

— Ну, я всё-таки сам оттуда. Да и содержание обходится не в такую уж и огромную сумму, причём большая часть уходит на продукты. Вы ко мне по делу, или просто поболтать?

Наруто заканчивал напряжённую тренировку — осознание того, что пока он отдыхает — Саске тренируется, очень мобилизовало, да и такие учителя как Анко-тян и Толстобровик-сенсей не давали особо расслабляться. И пусть они отбыли на миссии, Наруто себе послаблений не давал.

— Я слышал, что вы в свои ряды получили последнего члена клана Кагуя.

— «Мы», Кабуто-сан, мы. Вы не пленник и не заключённый, вы такой же член деревни как я или любой шиноби. «В свои ряды» — это громко сказано. Он абсолютно предан Орочимару. Чем его так зацепил змеиный придурок?

— Помнишь, ты рассказывал про своего друга Хаку? Орочимару точно так же подобрал Кимимаро, когда тому некуда было пойти, точно так же воспитал его. У него не было друзей, кроме Джуго, парня, который боится только себя, своего внутреннего зверя.

— Это тот со странным кеккей-генкаем, которого использовали для создания проклятых печатей?

— Похоже, тебе много рассказали, Наруто-сан.

— Кабуто-сан, а мы можем на «ты», а то у меня от непривычки сводит челюсть.

— Пожалуйста, Наруто-кун! И как ты собираешься поступить с Кимимаро?

— Мне он показался немного придурком. Этот фатализм, это «убью вас всех» по отношению к своим боевым товарищам, эти «Орочимару то, Орочимару сё». Я бы его даже отпустил обратно к его драгоценному Саннину, но есть множество «против». Пусть Саске и дезертировал, пусть ушел в нукенины, но он всё равно мой друг и напарник. И я не хочу, чтобы рядом с ним был человек, который убьёт его либо из желания угодить Орочимару, либо из ревности.

— Из ревности?

— Ну, костяной придурок только и мечтает отдать змеиному своё тело. Представляю, как его бесит, что Орочимару выбрал Саске, потому что его кеккей-генкай круче!

— А тебя не беспокоит, что через три года Орочимару заберёт тело твоего друга?

— Орочимару? Саске? Да ни капельки! Когда придёт время, Саске с лёгкостью навалит даже Саннину.

— Кстати, Наруто-кун, как получилось, что Кимимаро не умирает? Я сначала подумал, что это искусство Цунаде-сама, но в деревню он прибыл уже здоровым.

— Знаешь, Кабуто-сан, техника теневого клонирования — одно из крутейших дзюцу в мире!

— Да, это очень полезная техника. Но какое отношение она имеет к ирьёиндзюцу?

— Теневые клоны могут использовать самоубийственные техники, ты это знаешь?

— Это общеизвестные сведения. Просто мало у кого хватает чакры.

— Не все киндзюцу — это взрывы и землетрясения, — рассмеялся Наруто. — некоторые позволяют исцелять за счёт своей жизни. Исцелять смертельные ранения и даже саму смерть, если в теле ещё происходит клеточная активность.

— Я слышал о подобном киндзюцу в Сунагакуре, — кивнул Кабуто. — Я был шпионом и там.

— Кстати, Кабуто-сан, ты говорил, что змеиный придурок пересаживал кеккей-генкай, но из его подопытных мало кто выживал?

— Да, он пересадил кеккей-генкай Первого Хокаге и в живых остался лишь один из шестидесяти субъектов. Выживший работал в Корне, и Данзо лично тренировал его.

— Помнишь, ты говорил, что хотел изменить себя, стать сильным и шагнуть как можно дальше по пути познания?

— У тебя есть какая-то идея, Наруто-кун?

— А что будет, если человек после пересадки кеккей-генкай умрёт, но я верну его к жизни дзюцу? Что если я обеспечу его любым количеством чакры, чтобы тело приспособилось и развивалось? Что если у меня есть клетки Первого? Что если попросить Кимимаро дать немного крови или же просто его немножко подстричь? Что если взять немного клеток с Шарингана Учих? Что если я попрошу Хинату-тян или Нейджи дать немного своих ДНК?

— Это может быть интересно, Наруто-кун. Но ты не боишься отдать мне такую силу? Не опасаясь, что придумаю как обойти проклятую печать...

— ...которую поставили только по твоей просьбе!

— ...и снова предам тебя и Лист?

— Нет, зачем это тебе? Может я и плохо разбираюсь в людях, но ты мне показался хорошим человеком, который, попав в сложную ситуацию, пошел по пути тьмы. Я тебе навалял, вернул к свету. Ты разобрался во всех причинах, которые заставляли тебя становиться говнюком, поэтому нет смысла бояться. Ну а если ты отступишь от верного пути, я тебе наваляю снова.

— А вдруг я захочу власти или богатства...

— Так это замечательно! Хочешь я тебе отдам корпорацию Гато? Много денег и много людей! Сам заниматься я этим не хочу, а все остальные отказываются!

— Я просто так спросил! — скрытые очками глаза Кабуто округлились в ужасе.

— Вот, и ты тоже! Никому не хочется возиться с бухгалтерией!

— Хорошо, Наруто-кун. Я принимаю твоё предложение...

— Отлично, корпорация Гато — твоя! — обрадовался Наруто.

— Нет-нет, я о предыдущем предложении, — быстро поправился Кабуто. — Но есть некоторые трудности.

— Какие же?

— Нужно помещение и оборудование для лаборатории, нужны материалы и персонал.

— Персоналом я обеспечу, у меня много клонов! — рассмеялся Наруто. — А вот с лабораторией проблемы. Помещение есть — моя Цитадель, а оборудование... Кабуто-сан, а как ты смотришь на то, чтобы немножко ограбить твоего бывшего учителя? У него должно быть всё для любых бесчеловечных экспериментов. Только нужно это сделать так, чтобы не особо привлекать внимания — к схватке с Саннином я пока что не готов.

— Думаю, что знаю такую. Бывшая лаборатория Орочимару на острове Демона в Стране Моря. Но у меня к тебе вопрос, Наруто-кун. Для чего ты это делаешь? Почему идёшь навстречу мне, предателю? Ты и так сделал много, но теперь это не просто помощь оступившемуся товарищу,

не просто попытка устранить несправедливость. Ты идёшь навстречу моим амбициям, невзирая на риски. Так почему?

— Всё очень просто, — улыбнулся Узумаки. — Ты — коллега-учёный. Если убрать с твоего пути препятствия, это будет не только благом для тебя, но и выгодно для Листа и человечества в целом. Но некоторые препятствия всё-таки будут.

— Какие же?

— Пока техники и препараты не опробованы, никаких экспериментов на людях и прочих разумных существах. Ну а потом использовать только добровольцев! Если экспериментировать, то на каких-нибудь животных, лучше всего на медведях!

— Но почему именно на медведях?

— Очень просто! Медведи — зло!

* * *

— Как думаешь, с Нейджи будет всё в порядке?

— Всё будет отлично!

— А Хината-тян уже готова?

— Конечно!

— А Карин-тян?

— И с ней тоже проблем не будет, её чакра сильна.

— А сестрёнка Таюя?

— Несомненно! Она по чакре — неплохой токубецу джонин, ты поднатаскаешь её в дзюцу и тактике, она по уровню будет равна полному джонину, а со всеми стихиями — и того выше.

— А как там Толстобровики с их проклятыми печатями?

— Наруто, — разозлилась Мито-тян. — если ты не готов, то так и скажи.

Наруто скривился. Он отлично понимал, что тянет время. Сведения, полученные от сестрёнки Таюи позволяли вывести проклятую печать Толстобровиков на второй уровень, а таблеток, доставшихся от Саске хватило бы на небольшую армию, к тому же Кабуто и так знал рецепт. Усердные тренировки с последующей передачей чакры подняли силу Хинаты-тян и позволяли повторить ту же процедуру, что и с Нейджи. Ну а второй глаз Нейджи проблемой не был даже в принципе. Нет, Наруто вынужден был признать, он просто трусил. Вскрытие печати, искусственная симуляция высвобождения восьми хвостов была прыжком в неизвестность. И пусть Узумаки никогда не боялся бросаться сломя голову, но теперь его поджилки тряслись.

— Хорошо, — сцепил зубы Наруто. — начинай, Мито-тян.

Красноволосая девушка, руками, словно сделанными из закалённой стали, ухватила его за плечо и уложила на широкий стол. Задрал его футболку, и резко воткнув светящиеся чакрой пальцы в брызнувшую символами печать, она воскликнула:

— Искусство печатей: Печать Четырёх Символов! Высвобождение!

Наруто увидел, что он теперь находится не в одной из лабораторий Цитадели. Но это и не было пространство печати. Вокруг, куда только ни простирался взгляд, был тёплый желтый свет и пустота. И внезапно по тому, что служило этой пустоте полом, закружилась огромная спираль Узумаки. Из спирали во все стороны брызнули символы, змеясь и расплываясь во все стороны. Наруто резко обернулся. Рядом с ним, погрузив в спираль руку, стояла прекрасная зрелая женщина в белом кимоно, чьи алые волосы были собраны в два пучка, напоминающие уши панды.

— Мито-тян, ты прекрасна... — прошептал Наруто. — но почему ты выглядишь именно так?

— Понимаешь, Наруто-кун, — улыбнулась красноволосая богиня. — это пространство, созданное скорее воображением, чем существующее где-либо. И тут мы выглядим так, как себя ощущаем. Взгляни лучше на себя.

Небрежный жест изящной руки и перед Наруто возникла огромная уходящая в небо зеркальная плоскость. Наруто глянул в неё и едва воздержался от удивлённого возгласа. Перед ним стоял не генин Конохагакуре, перед ним стоял Доктор Узумаки, Хокаге и великий учёный. Он был высок и широкоплеч. Массивности его фигуре придавали угольно-чёрные доспехи, стыки пластин которых пылали оранжевыми линиями. Тёмно-оранжевый плащ с чёрными языками пламени лишь подчёркивал исходящее от этой фигуры спокойствие и уверенность. Перед ним был не суетливый подросток, перед ним был столп силы, та точка спокойствия, вокруг которой вращается весь мир. Глаза пылали голубым огнём уверенности и могущества. За своей спиной Наруто увидел неясные тени, в которых он узнавал множество друзей, учителей и знакомых, людей, которых он любил и ради которых вышел бы против всего мира. Над их головами возвышалась исполинская фигура, девять хвостов которой легкомысленно махали из стороны в сторону.

— Знаешь, Наруто-кун, — весёлый голос Мито-тян вырвал его из оцепенения. — если бы я так не любила Хаши-куна, у твоего гарема не было бы и шансов.

— Это не... ладно, забудь!

— Каждая из них любит тебя. Каждая из них, отдаст за тебя жизнь. За каждую из них отдашь жизнь ты. И пусть ты пока что не готов это признать, но... Поверь молодой, но очень мудрой женщине, Наруто-кун. Представь, что кто-то из твоих так называемых ассистенток выходит замуж... да пусть даже за Кибу Инузуку. Хината, Аяме, Карин, Тентен или Ино.

Наруто задумался и понял что его зубы сцеплены, а руки крепко сжаты в кулаки.

— Вот-вот, — усмехнулась Мито-тян.

— Но что же мне делать? Нельзя любить многих женщин!

— Для того, чтобы любить многих, просто нужно иметь большое сердце, Наруто-кун. И у тебя с этим всё в порядке. Чего тебе не хватает, так это мозгов.

— Я выучил дзюцу теневого клонирования за час! У меня отличные мозги, я буду Хокаге и учёным!

— Именно об этом я и говорю. Ты болван!

— Мито-тян, этот разговор мне не очень-то и нравится!

— Раз так, приготовься. Сейчас всё начнётся. Не беспокойся, я подстрахую!

— Но... — Наруто смотрел как Мито-тян положила руку на ветвящуюся цепочку символов и они загорелись оранжево-алым огнём. Мгновение, и Наруто пропал из этой бесконечной солнечной белизны, он стоял перед вратами, с замком, прикрытыми листиком с надписью «Печать».

Наруто бездумно подошел к вратам и взглянул в пылающие алым светом глаза того, кого он считал своим близким другом, того, кто был с ним с самого рождения, был причиной всех его неприятностей, но при этом оберегал и защищал его.

— Ты точно уверен, Наруто?

Наруто кивнул, протянул руку к листику и решительно потянул за край. Пусть ему было страшно, но доктор Узумаки не идёт на поводу у своих страхов.

На руку, снова выглядящую как и положено тринадцатилетнему подростку, легла широкая мужская рука.

— Не время, сын, — раздался приятный голос.

Наруто резко развернулся и увидел фигуру того, кого он часто видел на портретах, скульптуре которого он не раз подводил глаза, рисовал спирали на щеках и дорисовывал соплю под носом. Перед ним стоял Араши Узумаки, он же Минато Намиказе, он же Четвёртый Хокаге Конохагакуре.

Он стоял гордо, в своём белом плаще, развевающимся от невидимого ветерка, его золотистые волосы непокорно торчали во все стороны, а голубые глаза горели мудрым огнём.

— Здравствуй, папа! Я давно хотел тебе что-то сказать!

— Что же, сын?

— Великий Вихрь Листа! — ноги Наруто нескончаемой серией ударов подбросили отца вверх, а затем послали вниз, в землю перед воротами.

Минато выбрался из образовавшегося кратера, весь в земле и в траве, он выглядел совершенно не так уж и величественно.

— Я понимаю, почему ты это сделал, — горько сказал Минато. — Но я верил что ты, мой сын, выдержишь эту ношу, что ты...

— Дерьмо! Сраное дерьмо! Нихера ты не понимаешь!

— Что?

— Знаешь, в манере речи сестрёнки Таюи что-то действительно есть.

— Что?

— Я тебе ввалил не из-за того, что ты сделал меня джинчурики. Не из-за того, что ты пожертвовал жизнью и я стал сиротой. Не из-за того, что вся деревня ненавидела меня, пока я не стал круче всех. В конце концов, ты Хокаге и должен принимать сложные решения.

— Но почему?

— А потому, сраный долбаный говноед, что ты разодрал живое существо, разумное настолько

же, как ты и я...

— Гораздо разумнее!

— Заткнись, Курама, у нас воссоединение семьи! Душу разумного существа на две части! Ты не верил, что твой сын сможет вынести ношу, как его мама или Мито-тян? Ты думал, что мои трудности будут стоять искалеченной сути моего друга?

— Мда. Знаешь, когда я запечатывал свою чакру в Печать восьми триграмм, ожидал чего-то другого.

— А-ха-ха-ха, представляю себе! Я такой весь, в смертельной опасности, выпускаю восемь хвостов Курамы, Демонический Девятихвостый Лис пытается вырваться на свободу, а тут героически появляется Минато Намиказе и говорит своему сыну, который вообще не знает о своём наследии: «Сынок, мой уши по утрам и чисти зубы, ешь больше овощей и мяса, и ни в коем случае не помогай в исследованиях Эро-сенсея!»

— Я планировал ещё починить печать!

— Дерьмовый план!

— Следи за языком!

— Ты мне не оте... Ой! Ты мне действительно отец. А-ха-ха-ха-ха!

Минато смотрел на катающегося по земле Наруто и, не выдержав, рассмеялся следом.

— Ты очень похож на свою мать. Настолько, что будь у тебя красные волосы, ты был бы вылитой Кушиной-тян.

— Знаешь, па, если уж решил запечатать Кураму ценой своей жизни, лучше бы ты появился, когда мне было лет восемь. Я тогда был ещё тем мелким надоедливym засранцем, а мнение Четвёртого Хокаге многое значило бы для меня. Не подумай, что я жалуюсь и не рад тебя видеть. Кстати, за тобой куча дзюцу, которым ты меня должен научить.

— К сожалению, теперь это невозможно, — сокрушенно вздохнул Минато. — Я запечатал лишь немного своей чакры, которой хватило бы лишь единожды поправить печать. И теперь, когда ты каким-то образом меня освободил, моё время скоро подойдёт к концу.

— Па, а ты знаешь башню в Лесу Смерти?

— На тренировочном полигоне 44? Конечно знаю, а что?

— Потому что тебе придётся там провести много времени. Ты задолжал мне тринадцать лет трогательных моментов между отцом и сыном. Так что чувствуй себя как дома, мебелью я обеспечу!

Наруто подошел к ничего не понимающему отцу и обнял его. Минато обнял его в ответ. Внезапно руки Наруто засветились бледно-голубым светом.

— Техника передачи чакры! — Наруто крепче прижал отца к себе и почувствовал, как фигура в его объятиях наливается плотностью и объёмом, как ощущение касания становится более отчетливым и неотличимым от реальности.

— Это так трогательно, я сейчас расплачусь!

— Иди нахер, Курама! И знаешь, похоже Таюя-тян на меня действительно плохо влияет.

* * *

— ... после чего я запечатал остатки своей чакры и чакры Кушины-тян вместе с половиной Кьюби в своего новорожденного сына.

— То есть мама тоже тут? — обрадованно воскликнул Наруто.

— Я запечатал её чакру, чтобы она помогла тебе одолеть Кьюби, когда вам придётся столкнуться.

— У Кьюби есть имя! — возмутился джинчурики.

— Вообще-то я не разрешал его использовать даже тебе!

— Курама, перестань входить в режим засранца!

— Я из него и не выходил!

Минато Намиказе и Наруто Узумаки откинулись в удобных шезлонгах на поляне перед воротами, за решеткой которых Курама, расевшись в позе лотоса и опираясь на свои хвосты, с удовольствием уплетал соответствующие ему по размеру данго.

— Пап, а как мне увидеть маму? Я так её хочу увидеть, мне столько есть ей сказать!

— Она освободится, как только будет открыта печать.

— Значит дело за малым! Открывай!

— Не так просто, Наруто. Ключ к печати хранится у Героторы на горе Мьёбоку! И открыть печать я тебе не позволю.

— Извини, пап, но с тех пор, как я стал генином, мне может приказывать лишь мой джонин-сенсей, да и то на миссиях. Ну ещё может запретить Хокаге, а раз бабуля Цунаде не знает, то и приказать не может. Взаимоотношения с Курамой — это дела клана Узумаки, членом которого он является чуть меньше сотни лет.

— Как будто я просил эту ужасную женщину меня запечатывать!

— Мито-тян хорошая! И весёлая!

— И пугает тебя до жути!

— И это тоже!

— Наруто, я теряю нить разговора. Впервые Кьюби...

— Кураму!

— ...Кураму запечатала Мито Сенджу и она умерла древней старухой, когда мне было десять лет.

— Пап, твои сведения слегка устарели. Прекрасная, несравненная, пугающая до дрожи в поджилках Узумаки Мито-тян — та, кто выпустил тебя из печати. И моли всех богов, чтобы она никогда не услышала о «древней старухе».

— Похоже тебе многое есть о чём рассказать.

— Как и тебе пап, как и тебе. Знаешь, с учётом того, что пока в печати проходят часы, снаружи — лишь мгновения, у нас с тобой есть всё время мира. Ты сможешь рассказать всё о своей жизни, узнать всё обо мне, научить меня всем своим крутейшим дзюцу, пусть твой главный секрет, твою скорость, я разгадал и сам. Кстати, ты знаешь, что я выучил Разенган за три дня? А ещё через две недели создавал его без клонов!

— Я очень горжусь тобой, но что ты говорил о скорости? У меня нет никакого секрета, я просто много тренировался.

— Но тогда как же Полёт Летающего Бога Грома? Как ты поражал всех своих врагов? Такое не мог делать даже Второй Хокаге, который это дзюцу придумал!

— Я сенсор, в режиме отшельника чувствительность намного улучшается, к тому же у меня хорошая реакция. Если ты знаешь где находится враг и хорошо ощущаешь пространство, ты сможешь очень многое. А что за несуществующий секрет ты раскрыл?

— Я думал, что у тебя стихия Вьюги! То есть стихия Скорости!

— Я слышал о таком кеккей-генкае, был вымерший клан в Кумо. Но вынужден разочаровать, у меня, а значит и у тебя его нет.

— Знаешь, пап, у меня действительно есть многое о чём тебе рассказать.

* * *

— Пап, расскажи о этом придурке в маске, который был причиной вашей смерти.

— Это был Мадара Учиха. Только у него была сила контролировать биджу.

— Это дерьмо!

— Кратко, но метко. Курама знаком с силой Мадары, при нападении на Коноху был кто-то другой.

— Это был шиноби огромной силы. Он использовал пространственно-временное дзюцу, превосходящее даже мой Полёт Летающего Бога Грома. У него был Мангекё Шаринган.

— Какой?

— Это высшая форма Шарингана, которую...

— Я знаю что такое Мангекё и как его получить! Какой узор был в его глазу? Он ведь использовал при тебе додзюцу?

— Во время применения пространственно-временной техники его зрачок менялся.

Наруто возбуждённо выскочил из шезлонга, развеял чашку с чаем и приблизил лицо к лицу отца. Быстро использовав технику Трансформации, он преобразовал глаз в додзюцу Мадары Учихи.

— Это он?

— Нет, не похоже.

— Тогда это точно не Мадара, а какой-то самозванец.

Наруто по очереди показал отцу додзюцу Шисуи Учихи, тот мотнул головой. Глаза Наори и Наки Учихи, показанные Мито-тян, тоже не нашли в отце отклика. Наруто показал зрачок Итachi, так же безрезультатно. Отчаявшись, Наруто продемонстрировал додзюцу Саске и, поколебавшись, додзюцу Какаши-сенсея.

Отец, увидев глаз Какаши, внезапно подобрался, напрягся и воскликнул:

— Это он!

— Теперь понятно почему этот засранец нас ничему не учил и постоянно опаздывал! Ему нужно было время для своих предательских злодейских дел! Циничный ублюдок после Страны Волн, когда я сказал что хочу получить еще миссию А-ранга, насмеялся: «Ты получишь такие миссии, когда выучишь больше ниндзюцу!». Подонок!

— Наруто, ты знаешь этого человека?

— Да, это твой любимый ученик, Какаши Хатаке! Теперь понятно, он ходит в маске...

— Наруто!

— ...чтобы скрыть кровожадный оскал злодейства! Мы с Саске...

— Наруто!

— ... и Сакурой-тян столько раз пытались узнать, что у него под мас...

— НАРУТО!

— Что?

— У человека в маске Шаринган был в другом глазу!

— Ой! Но все равно Какаши — засранец и учитель из него, как из дерьма — кунай! Но если это не Какаши, то кто? Как звали его напарника, от которого достался Шаринган?

— Обито Учиха. Он погиб во время миссии по уничтожению моста Каннаби, как и напарница Рин Ноихара.

— Похоже сведения о кончине этого засранца оказались слегка преувеличены.

— Это мог быть кто-то другой, пересадивший глаз погибшего Обито.

— Какаши уничтожил труп своего друга? Он забрал тело?

— Нет. Там было слишком много врагов и пришлось отступить.

— Знаешь, пап... Похоже у всех великих шиноби один из учеников должен стать подонком. У Второго был Данзо, у дедули Хирузена — Орочимару, у тебя — Обито, а у Эро-сенсея — тот Узумаки, который хочет моей смерти и шлёт за мной S-ранговых нукенинов.

— Под Эро-сенсеем ты подразумеваешь Джирайю, твоего крёстного отца?

— Он мой крёстный?

— Конечно! Мы назвали тебя в честь персонажа его книги, неужели он не говорил? Кто бы ещё научил тебя всем этим дзюцу, которыми ты так хвастался?

— Знаешь пап, для человека, которого считают умнейшим человеком поколения, ты слишком уж идиот. Не знаю о чём ты думал, делая моим крёстным живое олицетворение трёх грехов шиноби. Я познакомился с Эро-сенсеем перед третьим этапом чунинского экзамена. И чтобы он меня начал учить, пришлось его подкупить. И подкупить не деньгами, а телом.

Глиняная чашка в руке Минато разлетелась осколками и брызгами чая.

— Я не знаю как это сделаю, — сказал он тихим пробирающим до костей холодным голосом. — но я выберусь отсюда и убью его. И умирать он будет очень долго.

* * *

— Мой отец извращенец!

— А что я мог ещё подумать?

— Нет, не могу поверить, что в голове отца, в голове Четвёртого Хокаге могут быть такие мысли!

— Тебе стоило лучше подбирать слова.

— Мой отец! Мой родной отец! И подумал о таком!

— Ты сам виноват!

— Чтобы я и Эро-сенсей... Как ты мог?

— Наруто, мы уже выяснили что твой отец — идиот. Как, впрочем, и ты! А-ха-ха-ха-ха!

— Заткнись, Курама!

— Наруто, тогда что ты имел в виду?

— Я использовал своё Секси-дзюцу, чтобы привлечь внимание Извращённого Учёного. Иначе он бы меня никогда бы не начал учить — ведь столько пляжей и горячих источников не исследовано.

— Секси-дзюцу?

— Можно я не буду тебе показывать? Пусть у меня останутся хрупкие иллюзии о своём папе.

— Тогда если не убить Джирайю-сенсея, так хотя бы сломать несколько рёбер! Он твой крёстный, как-никак.

— Не стоит, пап. Всё-таки, пусть он и мой крёстный отец, но он мне не особо обязан. С действительно важным, с ненавистью окружающих, он бы ничего не сделал, если уж дедуля Хирузен не смог. И, в конце концов, он дал мне подписать контракт с жабами Мьёбоку и научил двум отличным дзюцу, Разенгану и манипуляции волосами. И только благодаря ему я познакомился с Курамой, а за это можно простить что угодно.

— Как будто мне нужно знакомство с таким придурком!

— Было лучше в старой печати?

— Гр-р-р-р-р!

— Да признайся уже, что я тебе нравлюсь!

— Отстань!

Курама демонстративно отвернулся от двух блондинов и сосредоточился на новом данго.

— Ладно сынок, я доверюсь твоим суждениям. Правда сенсею лучше никогда не умирать — если он встретит Кушину-тян в Чистом мире, ему не позавидуешь. А пока что пусть побудет безнаказанным.

— Кто сказал, что Эро-сенсей избежит наказания?

— Э-э-э, ты?

— Не совсем. Извращённый Учёный мне крепко задолжал.

Минато Намиказе посмотрел внимательно на своего сына и на мгновение увидел в нём другую фигуру. Вместо небесной голубизны в его глазах плескалась глубокая синева океанской бездны. Вместо солнечно-желтой непокорной причёски, девятью алыми хвостами развевались кроваво-алые волосы. Сын был настолько похож на Кушину, что Минато посочувствовал Джирайе-сенсею. На мгновение. На очень-очень краткое мгновение.

Беседа отца и сына длилась очень долго. Минато рассказывал о своей юности, о учёбе и о войне, о жизни и о любви. Наруто делился историями своего детства, признавался в своих упущениях и хвастался достижениями. Девятихвостый демон время от времени вставлял свои ехидные комментарии. Но такой проникательный человек, как Минато Намиказе, не мог не видеть, что Наруто на плечи давит какой-то нерешенный вопрос, какая-то тяжелая забота.

— Наруто, в чём дело? Тебя угнетает предстоящая схватка с S-ранговыми нукенинами? Я помоо...

— Да нет, придуркам я чуть позже наваляю, ведь я тренируюсь!

— Трудности отношений с девушками?

— Ну со своим гаре... со своими ассистентками я как-то разберусь!

— Не знаешь как подступиться к непосильной задаче? Как принести на землю мир?

— Пап, я не один, со мною будут друзья, со мною будут те, кого я люблю. Я справлюсь, сколько бы времени ни понадобилось.

— Тогда что на тебя так давит?

— Пап, скажи, ты теневой клон?

— Не совсем. Я просто скопление чакры, принявшее форму в пространстве печати. Много общего с теневыми клонами, но есть и различия.

— Что бы произошло, не знай я технику передачи чакры? Не умей я подстраиваться под чужой тип? Вернулась бы память к тебе в Чистом Мире, животе Шинигами, или же где находится твоя душа? Или же ты бы просто погиб, а я потерял бы отца повторно, на этот раз на моих глазах? Что бы произошло с чакрой мамы, после того как она помогла справиться с Курамой, как ты задумывал изначально?

— У вас бы все равно не получилось!

— Курама, пожалуйста, потом. Так что бы произошло с двумя личностями, с сознанием двух людей, которых я люблю больше всего на свете?

— Не уверен, но чакра Кушины могла бы попасть в Чистый Мир и тогда она бы всё вспомнила. Я же запечатан с помощью Печати Мёртвых Демонов, поэтому исчез бы навсегда.

— Это неприемлемо, а значит не случится. Мои родители не умрут, даттебайо!

— Прости Наруто, тут ничего не поделаешь.

— Знаешь, папа, первое правило Узумаки? Все проблемы можно решить фуиндзюцу. А техника призыва — это одна из граней нашего семейного искусства.

— Надеюсь ты хорошо взвесил все «за» и «против», сын.

— О да, ещё как! Папа, ты говорил, что поставил свою шики на человеке в маске.

— Да, во время сражения один раз мне удалось это сделать.

— Как долго эта печать могла существовать?

— Теоретически — сколько угодно.

— Значит она до сих пор на нём? Отлично! Полёт Летающего Бога Грома — я иду к тебе!

— Наруто, пусть это не Мадара, но я сражался с этим человеком и знаю его силу. Он невероятно силен и у него Мангекё Шаринган.

— Знаешь, пап, что я когда-то говорил это отцу Хинаты-тян? Даже обладатели Легендарных Додзюцу должны когда-нибудь спать.

<http://tl.rulate.ru/book/47948/1191445>